

Lemov, Arkadij Vladimirovič

Мотивировка или ориентация?: на материале русской лингвистической терминологии

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná.
1987, vol. 36, iss. A35, pp. [125]-131

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100643>

Access Date: 02. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

А. В. ЛЕМОВ

МОТИВИРОВКА ИЛИ ОРИЕНТАЦИЯ? на материале русской лингвистической терминологии

Исследования, направленные на состояние и перспективу совершенствования терминологических систем, так или иначе одной из проблем теории терминологии называют проблему мотивированности — немотивированности термина. Нельзя сказать, что эта проблема является центральной в терминоведении, но она очень тесно связана с целым рядом спорных и нерешенных вопросов, в совокупности составляющих предмет теории и практики термина. К таковым, например, относятся следующие вопросы:

— о предпочтительности национального или заимствованного термина. Заимствованный термин обычно считается немотивированным, национальный — мотивированным;

— о синонимии и дублетности. Многие из терминологических синонимов и дублетов возникают в результате стремления к мотивировке терминов [1];

— о метафоричности термина. Метафоризация термина — попытка мотивировать его образование;¹

— о наличии — отсутствии в термине эмоционально-стилистических коннотаций. Если термин эмоционально не нейтрален, он имеет тенденцию к мотивизации;²

— о системной организации терминологических единиц (на уровне словообразовательных связей). Внутри такой системы термины, безусловно, мотивированы. Немотивированные термины в значительной степени теряют систематизирующие свойства;

— о языковой функции термина (какая функция преобладает в лингвистической природе термина: номинативная, сигнификативная, идентифицикативная или дефинитивная?). Чем больше в самом термине элементов дефиниции, тем он больше мотивирован.

¹ О терминах-метафорах см. [2].

² Об эмоционально-окрашенных терминах см. [3].

Несмотря на то, что понятие мотивированности определено в целом ряде словарей и учебных пособий³ (видимо, поэтому многие работы, активно затрагивающие вопросы терминомотивации, не содержат пояснения о том, как понимают их авторы указанное явление), реальное функционирование термина „мотивированность“ говорит о весьма различных его толкованиях. Так, можно отметить, что в большинстве случаев объем понятия „мотивированность — немотивированность“ укладывается в рамки противопоставления „незаимствованное — заимствованное“. Именно в этом аспекте рассматривается исследуемое противопоставление, например, в работах К. Гаузенбласа [6], А. В. Исаченко [7], В. А. Гречко [8]. В других публикациях мотивированность понимается более широко и связывается с наличием в термине внутренней формы слова [9; 10, с. 62]. В соответствии с этим немотивированными будут термины, представляющие собой, кроме заимствований, „фамильные“ единицы (*ампер, вольт, ватт* и под.), непроизводные образования русского языка, кальки (типа *склонение, спряжение, падеж*) [10, с. 63]. Можно встретить и более узкое понимание отмеченного явления — лишь в словообразовательном аспекте.⁴

В связи с нечеткостью границ понятия терминологической мотивированности не установлен ещё и единый термин, обозначающий это явление или его отсутствие. Чаще других встречаются термин „мотивация“ и его однокорневые образования: „мотивировка“, „мотивировать“, „мотивированный“, „мотивированность“. Иногда говорят о „внутренней форме термина“, его „буквальном значении“. Используются словосочетания „незнаковый термин“, „смысловая затемненность“, „семантическая непрозрачность“, „характеристический признак“, „дефинитивный термин“ и др.

Как видим, при дифференциации мотивированных и немотивированных терминов исследователи учитывают, во-первых, происхождение (русский или заимствованный), во-вторых, наличие — отсутствие внутренней формы слова. Понимание мотивации как обладания термином синхронной словообразованной структурой, естественно, не противоречит понятию внутренней формы слова.

Противники научной терминологии, содержащей иностранные терминологические элементы, главный недостаток её видят в непонятности, отсутствии мотивировки. В. А. Гречко пишет: „Возражение вызывает и позиция сторонников интернациональной, или немотивированной, терминологии, рассчитанная на раз навсегда данную, неподвижную систему... К чему это приведет, нетрудно догадаться. Мы только по грамматическим признакам, строю предложений, по немногим, преимущественно служебным

³ „Мотивированный... Такой, в котором данное содержание поддается более или менее непосредственному соотнесению с соответствующим выражением; имеющий открытую семантическую структуру, поддающуюся разложению на лексические морфемы; *противоп.* немотивированный... [4]. „Внутренней формой слова называется мотивировка лексического значения слова его словообразовательной и семантической структурой... Внутренняя форма вскрывает какой-то признак предмета, на основе которого произошло наименование [5].

⁴ „Мотивированность на уровне слова... это лишь некоторая зависимость значения от другого значения (деривационная „связанность“ значения)“ [11, с. 25].

словам будем угадывать черты родного языка, как в „Глокой куздре“ Л. В. Щербы” [8, с. 102]. Есть и более решительные высказывания. Так, в употреблении немотивированных, иностранных терминов некоторые ученые видят тенденцию к антидемократизации науки [1, с. 17].

Видимо, не следует столь категорично отрицать использование в терминологических системах иноязычных элементов. Мы должны в этом случае учесть, во-первых, уже сложившееся состояние терминологии различных наук, в том числе и языкознания, и, во-вторых, то, что многие заимствованные термины, которым предъявляется обвинение в отсутствии мотивировки, на самом деле могут оказаться вполне мотивированными, ориентирующими на понятие, закрепленное за термином.

Здесь необходимо сделать следующее пояснение. Критикующие тенденцию к использованию и созданию иноязычных терминов высказывают опасение, что терминология станет непонятной для носителей родного языка. Но ведь научная терминология употребляется, как правило, в весьма узком круге текстов, предназначенных для специалистов. То есть сферой научного стиля и заключенной в нем специальной лексикой пользуются прежде всего люди, имеющие определенный образовательный ценз.⁵ Перефразируя известное выражение К. Маркса о том, что наслаждаться искусством может лишь художественно образованный человек, отметим, что заниматься наукой может лишь специально образованный человек. А для учебного заимствованный термин оказывается, и очень часто, мотивирован индивидуальным знанием иностранных терминоэлементов. В других случаях такие термины могут быть мотивированы и широко известными в общепотребительном языке иноязычными по происхождению словами. Ср. такие лингвистические термины, как *архаизм*, *вибрант*, *вульгаризм*, *интеграция* (языков), *интонация*, *темп*, *пауза* и под. При соединим сюда и термины, построенные на базе интернациональных элементов (этом своеобразном „научном эсперанто“, известном со школьной скамьи): *лексикология*, *лексикография*, *орфография*, *билингвизм*, *дактилология*, *дешифровка*, *орфоэпия*, *филология*, *физиология* (речи), *фонография*, *фонология* и т. д.⁶

И, наконец, следует вспомнить и о такой возможности мотивации иноязычного термина, которая связана с указанием с помощью морфемной структуры специального слова на его место в сложившейся терминосистеме. Способность терминоэлемента играть классифицирующую роль

⁵ Разумеется, вряд ли было бы целесообразно на начальных этапах ознакомления с научными понятиями (в младших классах школы) опираться на иноязычные термины при наличии национальных дублетов. Но увеличение объема научного материала и его усложнение неминуемо приводит к необходимости вводить заимствованную терминологию все в большем количестве. Интересен в этом отношении опыт работы школ в ГДР: „... на низшей ступени средней школы используются германизированные термины, затем постепенно вводятся греко-латинские, употребляющиеся некоторое время параллельно с первыми, и, наконец, в старших классах и в вузах из дублетных пар применяются, как правило, только интернациональные“ [12].

⁶ „Большинство классических терминоэлементов однозначно выражают определенные значения (*микро-*, *макро-*, *-граф*, *-лог*, *анти-*, *супер-*, *-трон*, *-дром*). Они ... расширявают именуемые понятия посредством стандартных значений составляющих терминоэлементов. Встретив, например, новый термин *геофон*, можно, не заглядывая в словарь, предположить, что это прибор для записи „звуков земли“ [10, с. 35].

есть не что иное, как свойство термина ориентировать исследователя, столкнувшегося с ним, на соответствующий круг понятий данной науки. И дело здесь не столько в том, насколько ясен или неясен этот термин для носителя языка благодаря его соотносению с общеупотребительным словом, сколько в том, что понятийную ячейку, которую должен занимать термин, указывает читателю вся терминосистема данной области знаний с её парадигматическими и синтагматическими связями. С точки зрения некоторых авторов, идеальная терминология — это полностью упорядоченная система, удовлетворяющая требованию: зная термин, знаешь место в системе, зная место в системе, знаешь термин [13].

Этот принцип построения научной терминологии полностью не выдержан ни в одной науке. Наиболее последовательно он проводится в химии, медицине, биологии. Намечилась тенденция использовать терминологические элементы как классифицирующую сетку и в лингвистике. Такого рода системно-организующими терминологическими элементами в языковедении являются суффиксы-классификаторы, например, так называемый „эмический“ суффикс -эм(а), указывающий на единицы системы языка в отличие от единиц речи (*фонема, лексема, морфема, графема, семантема, интонама, силлабема, синтагма, синтаксема* и под.); суффикс -изм в терминах со значением изолированной лексической единицы (*экзотизм, зафемизм, славянизм, полонизм, англицизм, галлицизм, поэтизм, неологизм, жаргонизм* и т. д.); суффиксоид -фикс в терминах, обозначающих элементы структуры слова (*суффикс, аффикс, интерфикс, инфикс, префикс, постфикс, конфикс, унификс*).

Что касается незаимствованных терминов, то, как отмечается в некоторых работах, они необязательно и не всегда являются мотивированными, хотя мотивированность и связывается прежде всего с национальным характером русской терминологии. При этом к русским терминам, не имеющим мотивировки, как уже было сказано, совершенно справедливо относят калькированные единицы, внутренняя форма которых не отвечает актуальному значению термина, то есть никаким образом не ориентирует нас на соответствующее научное понятие. Кроме названных, ср.: *залог, страдательный, предлог, существительное, прилагательное, глагол, наклонение, сослагательный, гласный, согласный, наречие, причастие, междометие, родительный, именительный, предложение, положительная (степень)*.

Здесь налицо противоречие, не свойственное производным словам общеупотребительного языка: наличие внутренней формы и нулевая степень мотивации.

Однако явление отсутствия мотивации может распространяться не только на калькированные единицы, перевод которых в период становления русской грамматической мысли часто был механическим и неточным, но и на производные термины некалькированного происхождения. И в этом случае мотивация с деривационной точки зрения производного слова-термина не соответствует актуальному его значению. При этом термин оказывается неориентирующим, а в некоторых случаях даже должно ориентировать. Например: *глаголица, выдержка, замыкание* (вид подчинительной связи), *значимость, окончание, полногласие, прилепа, неполногласие, примыкание, яканье, мягкий, твердый*. Более того, таковыми могут ока-

заться и термины-словосочетания, которые обычно считаются „наиболее мотивированными“ [10, с. 95; 14; II, с. 25]. Правда, их число весьма незначительно. Это такие сложные образования, как *мягкий согласный, твердый согласный, книжный стиль, категория состояния, внутренняя форма слова, изолирующие языки, знаменательные слова*.

В одной из работ читаем: „Мотивированность терминов — один из важных факторов сохранения самобытного, национального характера русской лингвистической терминологии.“ Далее в статье приводятся примеры таких терминов: *база, основа, ветвь, взрыв, вопрос, время, глухой, гнездо, говор, голос, граница, дерево, долгий, живой, звонкий, имя, корень, лицо* [15].

Часть этих слов действительно в какой-то мере ориентирует носителя языка на терминируемое понятие, например: *взрыв* (артикуляционный), *вопрос, время, глухой, звонкий, граница, долгий*. Другие из приведенных единиц, в основном метафорического характера, без элементов дефиниции лишены понятийного научного содержания: *база, основа, ветвь, гнездо, дерево, корень, лицо, имя, говор, голос*. То есть, если предъявить носителю языка лингвистические реалии, соответствующие понятиям первой группы терминов, и попросить его, например, отличить *глухой* согласный от *звонкого*, или *вопросительное* предложение от *невопросительного*, или *врывной* звук от *щелевого*, глагол будущего *времени* от глагола настоящего *времени*, *долгий* звук от *краткого*; указать *границу* между словами, мы вполне можем ожидать правильного ответа. Во всяком случае наш вопрос не вызовет недоумения. Если же, не дав определений, предложить такую работу проделать с терминами второй группы (например, отличить словообразовательную *базу* от словообразовательной *основы*, *говор* от *жаргона*, *корень* слова от *основы* слова, найти *основу* в предложении и т. п.), то испытываемый вряд ли справится с заданием.

Такой эксперимент говорит и о том, что среди русских терминов, даже не имеющих с синхронной точки зрения ни внутренней формы, ни словообразовательной членности, но соотносенных в плане выражения с общеупотребительными словами, могут оказаться единицы, ориентирующие на специальное понятие своим внутерминологическим значением. Это становится возможным, когда последнее до некоторой степени входит в объем терминируемого понятия. Ср. уже отмеченные примеры: *время, глухой, долгий*, а также: *число, щель, зубы, губы* и под.

Таким образом, терминологическая мотивация заметно отличается от мотивации в общеупотребительном языке, так как в некоторых случаях эти два понятия не совпадают и, более того, прямо противоположны. Термин в своем терминологическом значении может оказаться мотивированным значением слова-омонима в общеупотребительном языке, в то время как слово-омоним в деривационном отношении может оказаться немотивированным и не иметь внутренней формы с синхронной точки зрения. С другой стороны, не мотивированные для неспециалистов заимствованные термины могут оказаться мотивированными в разной степени — в зависимости от интеллекта ученого — знанием иностранных и интернациональных терминоэлементов и, во-вторых, знанием места термина в системе научных понятий благодаря его классифицирующим, систематизирующим признакам.

Следовательно, термин, не имея мотивировки, может быть ориентирующим и, не будучи ориентирующим, может быть мотивированным.

Понимаемое так явление, безусловно, не обеспечивается связкой терминов „мотивированность — немотивированность“, так как эти единицы ассоциируются прежде всего с наличием — отсутствием внутренней формы в слове-термине и его словообразовательной структурой.⁷ Смысл же терминологической мотивировки-немотивировки, как мы старались показать, гораздо шире⁸ и предполагает возможность или невозможность термина без дефиниции указывать в какой-то мере на понятие, за ним закрепленное. Это соответствует в свое время предложенной Д. С. Лотте терминологической триаде: *правильно ориентирующий термин — неправильно ориентирующий — нейтральный* [18]. Этими терминами стали пользоваться и другие исследователи. Так, например, М. Г. Бергер, базируясь на работах Д. С. Лотте, классифицирует термины по степени соответствия их ориентировки актуальному значению понятия на *правильно-ориентирующие, неопределенно-ориентирующие, ложно-ориентирующие и неориентирующие* [19].

Таким образом, терминоряд: *ориентация, ориентировать, ориентированность, ориентирующий, неориентирующий* и т. д. — имеет традицию употребления в науке, члены его не вызывают ложных ассоциаций и весьма точно определяют суть изложенного в данной статье понятия, т. е. ориентируют на него.

ЛИТЕРАТУРА

1. МОЛОДЕЦ В. Н., Некоторые проблемы терминологической синонимии. — В кн.: Термин и слово. Предметная отнесенность и функционирование терминов. Горький, 1983.
2. ЛИТВИНЕНКО А. С., Термин и метафора. — В кн.: Ученые записки 1-го Московского государственного педагогического института. Т. VIII, М., 1954.
3. ПРОХОРОВА В. Н., Об эмоциональности термина. — В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
4. АХМАНОВА О. С., Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 244—245.
5. КОДУХОВ В. И., Введение в языкознание. М., 1979, с. 192.
6. ГАУЗЕНБЛАС К., О специфических чертах специальной терминологии. — В кн.: Проблемы марксистского языкознания. Прага, 1962 (на чешском языке).
7. ИСАЧЕНКО А. В., Термин — описание или термин — название? — В кн.: Славянские лингвистична терминология, I, София, 1962.
8. ГРЕЧКО В. А., Каким должен быть термин? — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 5, Новосибирск, 1976.
9. КУЛЕБАКИН В. С., КЛИМОВИЦКИЙ Я. А., Работы по построению научно-технической терминологии в СССР. — В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970, с. 20.

⁷ Одной из последних работ, трактующих мотивацию таким образом, является книга В. Н. Немченко, к которой прилагается краткий словарь словообразовательных терминов. „Мотивация (мотивированность) слова... То же, что словообразовательная производность слова синхроническая. Мотивированное слово. То же, что синхронически производное слово“ [16].

⁸ Поэтому нам представляется предпочтительнее понятие мотивации, предложенное В. Н. Головиным: „Мотивированное значение воспринимается как вторичное, поясняемое другим, предшествующим; у мотивированного значения есть значение источник...“ [17].

10. ДАНИЛЕНКО В. П., Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.
11. ШМЕЛЕВ Д. Н., О понятии „фразеологическая связанность.“ — Иностранные языки в школе, 1970, № 1.
12. KRESS В., Lateinische grammatische Termini in der Unterstufe. — In.: Sprachpflege, 1965, Heft 4, s. 73.
13. ЮШИМАНОВ Н. В., Грамматика иностранных слов. — В кн.: Словарь иностранных слов. М., с. 673.
14. ПЕКАРСКАЯ Л. А., Термины со значением лица в английской военной терминологии. — В кн.: Термин и слово. Горький, 1982, с. 54.
15. БЛИНОВА О. И., Термин и его мотивированность. — В кн.: Терминология и культура речи. М., 1981, с. 35.
16. НЕМЧЕНКО В. Н., Современный русский язык. Словообразование. М., 1984, с. 202.
17. ГОЛОВИН Б. Н., Введение в языковедение. Издание 4-е, исправленное и дополненное, М., 1983, с. 60.
18. Как работать над терминологией. По трудам Д. С. Лотте. М., 1968, с. 39.
19. БЕРГЕР М. Г., Лингвистические требования к термину. Русский язык в школе, 1965, № 3.

